

Часть 1

Дверь медицинского кабинета открылась, вышла Саки Камисато.

Когда противоестественный приступ остановился, Сакута привел Икуми сюда. Она не сопротивлялась. Саки принесла ей сменную одежду.

— Как она?

— Врач еще осматривает.

— А.

Саки отвернулась и уставилась на дверь кабинета. В коридоре, помимо них, никого не было. Рядом висела белая табличка с надписью: «Медицинский кабинет». Саки все еще была в костюме медсестры, из-за чего коридор казался больничным.

— Ты наряжалась так для Куними? — спросил Сакута, когда молчание стало невыносимым.

— Нет еще, — ответила она с явным недовольством.

Очевидно, Саки не хотела, чтобы ее видели в этом наряде, не хотела всеми фибрами души.

— Он заценит, думаю. Ему нравятся девушки-кролики и Санты в мини-юбках. Уверен, медсестры тоже придутся по душе.

— Ты за кого принимаешь Юму?

— За друга, который разделяет мои увлечения.

Ее угрюмый взгляд стал еще угрюмее.

— А что насчет тебя, Камисато?

— В смысле?

— Что ты думаешь о своей подруге?

Он бросил взгляд на дверь позади нее. Икуми все еще осматривают?

— С чего вдруг спрашиваешь?

— Акаги порядочна настолько, что нет-нет да вызывает сомнения, не так ли? Поступила на факультет медсестер, помогает людям, плюс занимается волонтерством.

И спасает, используя хештег.

Саки кивнула, задумалась на какое-то время, затем произнесла:

— Она — олицетворение хорошей студентки.

— Это да.

Меткое определение.

— Сперва я считала ее показушницей.

— Почему?

— Ну ты знаешь таких: влезают во все, лишь бы в глазах остальных выглядеть хорошо; всегда прибиваются к какому-нибудь движению, или знакомы со знаменитостями, или по уши во всяких делах из-за участия в мероприятиях... Они пустышки, но пытаются это скрыть. Только хвастовство и раздача визиток не одурачат всех.

Сакута невольно поморщился. Он и Саки недавно познакомились с подобным человеком.

— Но Икуми не такая. Она старается не для виду. Занимается волонтерством не для того, чтобы смотреть на других свысока. Помогает потому, что просто хочет... и иногда это до чертиков пугает.

Она не выбирала слова, и Сакута снова поморщился. Думал, она хвалит Икуми, но выражалась резковато.

Впрочем, Саки попала в яблочко.

У Сакуты сложилось то же впечатление.

Икуми вела себя по-геройски. Безупречно, можно сказать.

Живое воплощение «хорошей студентки».

И даже когда она помогала людям, делала это незаметно, не гордилась. За это, казалось, ничего не хотела взамен.

Слишком идеально, и именно идеальность вызывала беспокойство. Подобное «совершенство» выглядело жутко.

— Она была такой и в средней школе?

— Сложно сказать, я мало что о ней знаю.

— Я тоже, но на твой вопрос ответила.

Саки, казалось, разозлилась.

— Наверное, она и тогда была хорошей ученицей.

— И?

— И все, мне больше нечего добавить.

— Толку от твоего ответа нет.

— Знаю.

— Хотя я все равно не ожидала большего.

— Тогда не надо было спрашивать.

Она проигнорировала последнее замечание и посмотрела в телефон.

— Чихару просит вернуться. Я пойду.

— Как хочешь.

— Позаботишься об Икуми?

— Если ей понадобится твоя помощь, уверен, она сама тебе позвонит.

Саки пришла как раз из-за просьбы.

— Я спрашиваю потому, что знаю: донимать она не станет.

Она хорошо знала Икуми. Саки хоть и сказала, что ее пугает поведение Икуми, тем не менее все равно беспокоилась за подругу. И их разговор сейчас состоялся, скорее всего, потому, что Саки сама заметила что-то неладное. Может, это было одной из ее сторон, которую заприметил Юма.

Сакута, погруженный в мысли, смотрел, как она уходит. А затем открылась дверь. Вышла женщина в белом халате — университетский врач, на вид ей было сорок с лишним.

— Надо отойти, — пояснила она, прежде чем торопливо пошла по коридору.

Кто-то где-то еще пострадал? Фестиваль был в самом разгаре — неудивительно, если некоторые слишком увлекутся и травмируются.

Сакута поднялся, постучал в полуоткрытую дверь.

— Акаги, я зайду?

— Конечно.

Он сразу вошел.

Помещение напоминало типичную больничную смотровую: в конце находились кровати, огороженные шторами, а еще было оборудование, более профессиональное, чем в большинстве медпунктах любой старшей школы. Заведи сюда человека с завязанными глазами, тот подумает, что попал в больницу.

Кроме Сакуты и Икуми, тут никого не было.

Она сидела на краю кровати. Признаков приступа не было, и сейчас она пыталась расстегнуть молнию на спине. С ее растяжением получалось так себе.

— Помочь?

— ...

Взгляд пронзил Сакуту. Она смотрела с настороженностью.

— Могу позвать Камисато.

— Не надо... Буду благодарна за помощь.

Саки оказалась права: Икуми явно не желала беспокоить подругу еще больше.

Она убрала волосы вбок левой рукой, открыв затылок. Первым ему бросилась в глаза бледная, чистая кожа. Он видел проступающие вены.

Ее щеки окрасил легкий румянец. Уши покраснели. Она старалась скрыть, как ей неловко. Чем скорее Сакута сделает свое дело, тем лучше.

— Вот так.

Он взял замок и потянул вниз до середины спины — показалась белая камисоль, бретелька соскользнула с плеча.

Ее кожа выглядела так, будто за год ни дня не провела на солнце. Сакута заметил начесы, словно она царапала зудящее место. Следы шли от правой лопатки до бока в виде пяти линий, похожих на следы от ногтей. Их оставила та невидимая сила?

— Спасибо.

Она отпустила волосы, и те скрыли спину.

— Что-нибудь еще надо?

— Если понадобится, позову Саки.

Она схватилась за штору и задернула ее, выгнав Сакуту.

— Я переоденусь, не заходи.

— Мне уйти?

— У тебя же есть вопросы ко мне, верно?

Он услышал шуршание одежды за шторами.

Впрочем, раз она разрешила ему остаться, он возражать не станет.

— Это ведь не болезнь?

Выглядело, безусловно, как припадок.

— Врач говорит, я здорова.

— Тогда что это было?

— Ты и так знаешь что.

Ее силуэт замер.

— Догадываюсь.

— Но хочешь, чтобы я сказала это.

— Я хочу знать твое мнение.

— Ну что ты будешь делать.

В ее голосе слышалось смирение, но вслух «Подростковый синдром» она так и не произнесла.

— Это... иногда случается.

— Только вот что именно случается, мне, скажу честно, не совсем ясно.

Сперва ей будто бы поплохело, как после чрезмерной тренировки. Или у нее закружилась голова, а потом еще начало лихорадить...

Но проблема была в том, что происходило после.

— Как бы сказать? Ко мне словно... кто-то прикасается.

Он вспомнил следы на ее спине: на вид царапины от ногтей.

— Смотрел в детстве какие-нибудь телешоу со страшилками? Там это называют полтергейстом. Рядом никого нет, а предметы двигаются.

Икуми отшучивалась, но Сакута не посмеялся: она буквально описала то, что он видел.

Шапочка улетела, хотя ветра не было, затем невидимое нечто покружилось под ее одеждой, а потом порвало чулки и вырвалось через дыру.

Штора раздвинулась, и вышла Икуми, теперь в повседневной одежде. Аккуратно сложенный костюм медсестры лежал на кровати. В чулках виднелась дыра.

— Не скажу, что это больно или мучительно.

Ее глаза говорил не волноваться.

— С рукой так вышло точно не из-за приступа?

Икуми опустила взгляд на запястье. Она могла оступиться, если в момент протягивания руки случилось нечто похожее. Сакута представил, как это могло быть.

— У тебя богатое воображение, — неуверенно улыбнулась Икуми.

Значит, он был прав.

— Забудь, — сказала она. — Я знаю, как это исправить.

— Неужели?

— А что, я похожа на лгунью?

— Ты похожа на того, у кого много секретов.

— Не буду отрицать, — легко признала она в подтверждение того, что говорит правду.

— Ты знаешь, как это исправить, но не исправляешь. Потому что проще сказать, чем сделать?

Именно поэтому у нее до сих пор был «Подростковый синдром».

Сложно сослаться на то, что проблем он не причиняет.

— Угу. Забыть тебя непросто.

Неожиданно. Он впал в ступор.

— Очень непросто, — повторила она, посмотрев Сакуте в глаза.

Взгляд не отводила. Непохоже, чтобы подшучивала над ним.

— Думал, ты тут ни при чем?

— А при чем тут я?

Он не знал, как стал причиной.

— Выходит, в самом деле не помнишь.

— ...

— Многозначительно, да, сама знаю.

Икуми хихикнула.

— Мы просто учились в одной средней школе, разве нет? — спросил он.

— Мм, угу. Только и всего, — по тону ее голоса не скажешь, подтверждала она или отрицала. — Между нами больше ничего не было.

— Тогда при чем тут я? — снова спросил Сакута.

Она не ответила. Слишком много секретов.

— Азусагава.

— ?

— Заключим пари?

— Заведомо проигрышные не заключаю.

Она пропустила его слова мимо ушей.

— Что случится раньше: я забуду тебя или ты вспомнишь, что произошло?

— Что, если я вспомню?

— Мой «Подростковый синдром» уйдет.

Она впервые произнесла вслух «Подростковый синдром».

— И ты считаешь, этого хватит, чтобы я заключил пари?

— А что, нет?

— Я бы хотел предупредить тебя.

— О чем же?

— Я очень хорош в том, чтобы вспоминать забытое.

Он уже дважды возвращал утерянные воспоминания.

Май.

И Сёко.

— Рада, что ты мотивирован.

— Буду мотивирован еще сильнее, если предложишь приз.

— Если победишь, мне больше не нужно будет полагаться на хештег.

— Как это? Хочешь сказать, ты спасаешь людей с помощью хештега, чтобы забыть меня и вылечить свой «Подростковый синдром»?

Икуми кивнула:

— Поэтому я не могу все бросить, что бы ты ни сказал.

В ее глазах появился тусклый свет — стремление или мрачная решимость. Что Икуми думала обо всем этом? Он не знал.

— Если победишь ты, что с меня?

— Ничего. Я забуду о тебе абсолютно все. Тебе надо будет лишь не лезть в мою жизнь.

Она улыбнулась, будто бы по-доброму, только Сакута понятия не имел почему. Он вообще не понимал, что творится у нее в голове или в сердце.

— Давай начнем наше пари. На старт, внимание, начали.

Это было самое незахватывающее начало из всех, что он слышал.

Часть 2

— Мне лучше вернуться на рынок, — сказала Икуми.

Они с Сакутой вышли из медицинского кабинета, затем, спокойно пройдя по коридорам, — из здания. Тишина вскоре осталась в прошлом, так как вместе с ветром до них донесся шум народа.

— Пока.

— Давай.

Икуми отправилась на рынок. Сакута смотрел ей в спину.

Она шла уверенно и неуклонно, не рухнула внезапно на колени, полтергейст не напал.

Когда она прошла примерно десять метров, Сакута увидел кое-кого скользнувшего мимо нее.

Котоми.

Она бросила взгляд на Икуми, когда проходила мимо, будто заметила давнюю знакомую, но не остановилась пообщаться, а подбежала к Сакуте:

— Наконец-то! Я нашла тебя.

По-видимому, его искали. Прошел где-то час с тех пор, как он оставил Май с остальными. Май, Казэдэ и Котоми, должно быть, разделились, чтобы обыскать территорию кампуса. На лбу Котоми выступил пот, что бросалось в глаза: дул свежий осенний ветерок.

— Мне жаль, что пришлось побегать из-за меня.

— Все норм, — твердо сказала она, после чего неуверенно посмотрела через плечо: Икуми уже исчезла за рядами ларьков.

— Это... ведь была Икуми? — спросила она.

Назвала по имени девушку, которую только увидела рядом с Сакутой.

— Ты знаешь?

Между ними была разница в два года, но Котоми ходила в ту же среднюю школу, так что знакомы они могли быть.

— Одна старшая школа.

Котоми училась в местной государственной подготовительной школе. Ученики в ней носили черную униформу гакуран, а вот ученицы — серые блейзеры, что редкость для того района — жившие неподалеку могли сразу понять, какую школу посещали учащиеся.

— Как-то помогали с подготовкой к спортивному фестивалю. Не скажу, что мы провели вместе так уж много времени, но все равно...

Котоми смотрела вслед Икуми с грустью во взгляде. Может, школьница разочаровалась тем, что ее не узнали.

— Вряд ли она ожидала пересечься с тобой.

Очень просто проглядеть того, кого не высматриваешь. Так же с Май: на людях на нее в основном пальцем не указывали.

— Вы были близки?.. — спросила Котоми, снова посмотрев на него. Чуть настороженно.

Наверное, таким взглядом наградит любой, кто знает историю с издевательствами над Каэдэ. Подумают, Сакута не захочет ворошить воспоминания о средней школе.

И не то чтобы они ошибутся. Скорее попадут в яблочко.

— Мы почти не разговаривали. Вражды между нами нет, но... сейчас это больше похоже на «а, точно, мы же ходили в одну среднюю школу!».

Описать точнее социальную дистанцию между ними было сложно. Его мнение неоднозначное, и он еще меньше понимал, что думает Икуми. Они ходили в одну среднюю школу и поступили в

один университет. Других слов, помимо этих истин, он подобрать не мог.

Однако теперь, когда было заключено странное пари, выяснилось, что их связывало нечто забытое Сакутой. И то, что Котоми знала про Икуми, могло помочь ему вспомнить.

— Какой Акаги была в старшей школе?

— Непростой вопрос. Хм, для начала я скажу Каэ, что нашла тебя. — Котоми достала телефон и быстро напечатала сообщение. — Где мы? — спросила она.

— У первого здания, — ответил Сакута.

Они обменялись еще несколькими сообщениями, затем Котоми захлопнула чехол телефона.

— Ты хочешь узнать об Икуми?

— Да.

— Когда я поступила весной, она была президентом ученического совета. Выступала с речью для новых учеников. Помню, я тогда еще подумала, как по-взрослому ведут себя третьегодки.

Новость про совет не стала сюрпризом: такой Икуми человек. И Сакута также мог представить, как она, не моргнув глазом, выступает с речью перед морем поступивших.

— Но, оглядываясь назад, я понимаю, что дело не в третьегодках, а просто Икуми была сама собой.

— Да уж.

Когда в университете вспоминаешь свои школьные годы, осознаешь, каким ребенком был в старших классах.

— Икуми буквально бросалась на любую волонтерскую работу.

— Выходит, она всегда такой была?

— Мм?

— Она основала здесь волонтерский клуб и помогает обучать детей, которые не ходят в школу.

— Это так похоже на нее. Она из тех, кто встает и занимается делами, пока остальные ждут, чтобы кто-нибудь вызвался. Ребята с ее параллели полагались на нее, говорили, какая она несравненная.

— «Несравненная», вот как?

Котоми не просто бросалась словами. Что-то еще было за этим «несравненная», намек на «по-своему».

— Но тогда получается, Акаги в старших классах оторвалась на полную, — сказал Сакута.

Была президентом ученического совета, а еще, судя по помощи в спортивном фестивале, вероятно, участвовала во всех крупных событиях.

И ее поступление в этот университет показывало, что она и в учебе весьма преуспела. Напрашивался вывод, что на факультет медсестер она тоже подалась осознанно, а не потому, что вариантов не осталось.

Вот что имел в виду Сакута, но Котоми такая формулировка словно не сильно пришлась по душе.

— Я не прав?

— Не совсем, просто...

— «Просто»?

— Примерно осенью прошлого года ее вызывали к школьному консультанту. Несколько раз.

А вот это не было на нее похоже, от слова совсем.

Консультант?

Икуми Акаги относилась скорее к тем, кто никогда не войдет в кабинет консультанта.

— Знаешь, по какому поводу?

— Скажем так, я знаю, какие ходили слухи.

— Тогда выслушаю с долей недоверия.

— Вроде как она встречалась с парнем постарше и жила с ним, а дома не бывала вообще.

— Если это правда, то она оторвалась на полную не только в школе, но и за ее пределами.

— Ты так думаешь?..

Котоми явно сомневалась.

— Я хочу сказать, она побывала президентом совета, была центром на школьных мероприятиях, помогала волонтерской деятельностью, сдала вступительные экзамены, по уши влюбилась, так еще и от учителей получала. Это же самое настоящее бинго школьной жизни.

У фильма о юности по этой биографии есть все шансы на успешную кассу.

К сожалению, часть про парня похожа на вымысел. Сакута сделал такой вывод по тому, как она повела себя в медицинском кабинете. Если бы она какое-то время пожила с мужчиной, помощь с застёжкой и близко бы так не взволновала ее.

Вероятно, у нее были свои причины не появляться дома, поэтому она зависала у подружки. Или что-то подобное. Ему это казалось логичнее.

— О, Каэ!

Котоми махнула рукой, и он заметил идущих по аллее свою младшую сестру и Май.

— Спасибо, Коми! Сакута, где тебя носило? — надулась Каэдэ, словно во всем виноват был он.

— Меня нигде не носило.

У него были свои причины, но, так как он никому ни о чем не сказал, ее недовольство было оправдано.

Каэдэ немного поворчала, тем не менее ей хотелось посмотреть фестиваль. Они с Котоми вскоре ушли.

Май и Сакута остались наедине.

— Каэдэ весело, это хорошо.

— Она от Зукки без ума, я уже распереживался, что попытается податься в наш университет.

Каэдэ училась на втором году старшей школы — ей уже пора было начинать сокращать варианты.

— Ты мог бы натаскать ее.

— Я именно поэтому переживал.

Он подрабатывал в школе ради денег, но занимался пока только с первогодками. И надеялся, что не придется браться за экзаменуемых: слишком серьезная ответственность.

— Ну ладно... Ты встретился с Акаги?

Она испытующе посмотрела на него, поднесла к губам соломинку, которая выходила из стакана с чаем с шариками.

— Встретился.

— И?

Жуя шарики, она протянула стакан ему. Сакута сделал глоток и набрал жемчужин. Гоня их во рту, он признался:

— Я теперь еще меньше понимаю ее.

— Ох, — произнесла Май, прежде чем всосать больше тапиоки.

— Ага, ох.

Текстура тапиоки сняла возможное в их разговоре напряжение.

Часть 3

Когда Сакута проснулся на следующий день, солнце уже было высоко.

11:50 на часах.

Первое занятие закончилось, второе — вот-вот. Если поторопиться, можно успеть к третьему.

Но он не запаниковал, а просто зевнул и закрыл глаза.

Сегодня занятий не было: день отвели под уборку после фестиваля. Для Сакуты это был в некотором роде выходной.

Он с наслаждением повалялся немного, затем поднялся.

На обеденном столе нашел записку от Каэдэ, в которой говорилось, что она ушла на работу. Выходить на подработку утром в будний день позволяло дистанционное обучение. Она могла сама выбирать, когда учиться, а когда работать. И Каэдэ на полную пользовалась этой возможностью.

Сакута в одиночестве перекусил, состряпав некое подобие завтрака, убрался под полуденные новости, потом развесил на веранде постиранное белье.

Сухой осенний воздух быстро расправится с одеждой.

Снял он ее, когда на часах было почти пять.

— Уже скоро должна вернуться домой.

Сакута взял телефонную трубку, ввел по памяти одиннадцать цифр. Гудок прозвучал три раза.

— Что? — проворчала Рио без энтузиазма.

— Ты сейчас где?

— Только вернулась в Фудзисаву.

— Есть время до урока?

Ее урок должен был начаться в семь.

— Я буду занята в книжном.

— Тогда жди там. Я приду.

— Я уйду сразу, как закончу.

Сакута повесил трубку, сделав вид, что последнюю фразу не услышал.

Придя в магазин электроники у северного выхода станции «Фудзисава», Сакута поднялся на эскалаторе на седьмой этаж, на котором открывался вид вовсе не на электронику.

Книжные полки раскинулись по всем направлениям, воздух здесь пропитался атмосферой тихой библиотеки. Это, вероятно, был самый большой книжный магазин в районе, и Рио часто заходила сюда.

Сакута предположил, что под «книжным» она имела в виду именно это место, но в секции с томами по физике ее нигде не было видно.

— Уже ушла, что ли?

Взволнованный, он быстро обошел магазин. Рио нашлась возле справочной литературы по вступительным университетским экзаменам.

— Собираешься снова сдавать экзамены?

— Не я, мой ученик.

Она захлопнула книжку и вернула на полку. По-видимому, книга не подошла под высокие стандарты Рио.

— Кто из?..

— Кохай Куними, тот, про кого ты спрашивал.

— Касай Тораносукэ.

— Надо же, запомнил.

— Его забыть сложно.

Рио, судя по взгляду, поняла, что Сакута о чем-то умалчивал, но не стала утруждать себя расспросами. Посчитала, наверное, что это «чем-то» было глупостью.

— Спрашивала его о причинах выбора?

— Сказал, что так велит сердце.

— Ха.

— Так что тебе надо?

Он не прочь еще немного поболтать про Тораносуке, но, если попробует задержаться на теме, Рио вполне может насторожиться. Просветить ее — значит загубить неуклюжие попытки парня скрыть правду.

Поэтому Сакута решил перейти к тому, ради чего пришел.

— В общем...

— Ты уверен, что это не человек-невидимка? — спросила Рио после того, как он рассказал про непонятное явление, с которым вчера столкнулась Икуми. — Тем более с невидимкой ты уже знаком.

Она имела в виду девушку-Санту в мини-юбке, которая все еще оставалась невидимой.

— Токо Киришимы с нами не было.

Или, по крайней мере, Сакута ее не видел. На расстоянии вытянутой руки находились только они двое. Но на Икуми определенно действовала какая-то сила.

— Что она сказала?

— Отшучивается, говорит про полтергейста.

— То есть невозмутимо принимает как данное.

— Странные явления с телом — это ближе к случаю Казэдэ, выходит?

Бессердечные слова ее одноклассников резали кожу Казэдэ в буквальном смысле, а боль в душе проявлялась синяками на теле.

— Но следов на ней никаких не осталось?

— По спине шли царапины, от правой лопатки до бока.

— Ты их видел?.. — злобно прошипела Рио.

— Я помогал переодеваться.

— ...

— Да просто молнию на спине расстегнул!

— Сакурадзиме уже рассказывал?

— А мы можем это оставить только между нами?

— ...

Молчание показалось зловещим.

— Но Акаги хотя бы не больно, вроде как. По ее словам.

Сакута не считал, что она лгала. Несмотря на сходство со случаем Казэдэ, основные симптомы «Подросткового синдрома» могли отличаться кардинально.

— Прямо сейчас я мало что могу сказать. Слишком много неясностей.

— Если ты не можешь, я умываю руки.

— Судя по всему, ты вообще ее не понимаешь, Азусагава.

— Ага...

Сакута именно по этой причине чувствовал себя потерянным. Он не мог разобраться, кто такая Икуми Акаги, еще не мог разобраться в ее «Подростковом синдроме». Какие эмоции вызвали сверхъестественное явление? Это оставалось загадкой.

— Но если то, что она сказала, — правда, ясно только одно.

— Вот, узнаю Футабу! Что ясно-то?

Рио бросила на него взгляд.

— Мне казалось, ты заметишь.

— Что?

— Она влюбилась в тебя. Настолько сильно, что хочет забыть.

— Так ведь между нами ничего не было...

Точнее, ничего не было по мнению Сакуты.

— В мире есть девушки, которым достаточно одного лишь шоколадного рогалика.

— С опытом не поспоришь, ага...

Если в его случае тоже было что-то настолько тривиальное, то он в самом деле мог не помнить.

Впрочем, Сакута не ставил себя в один ряд с Юмой, несравненным красавцем.

— Лучше поскорее вспомни, пока тот призрак не переключился на тебя.

Он видел, на что способен полтергейст, поэтому комментарий смешным не посчитал.

Оставив Рио смотреть другие справочные материалы, Сакута спустился на эскалаторе, прошел через дверь на втором этаже магазина электроники и пошел по надземному переходу к станции.

У северного выхода было много прохожих: учащиеся и работники возвращались домой.

Идя против течения, Сакута спустился по лестнице на сторону, которая не вела к дому: его ждала смена в ресторане.

Он шел по коммерческому району мимо подготовительных школ, аптек и кафе, пока не увидел впереди желтую вывеску своего места работы.

А еще вышедшую знакомую.

Она заметила подходящего Сакуту и остановилась, не успев отойти от ресторана. Женщина, ей

было за сорок лет, а еще она, кажется, набрала несколько килограмм. Мивако Томобэ — школьный консультант, которая очень помогла Каэдэ.

— Сакута, давно не виделись. Выглядишь таким повзрослевшим.

— Правда?

Он смотрел на себя слишком часто, чтобы заметить изменения. Но в последний раз они виделись целых шесть месяцев назад, и, быть может, он таки выглядел повзрослевшим.

— Вы зашли из-за Каэдэ?

Мивако поддерживала с ней связь даже после выпуска, а узнав, что Каэдэ начала подрабатывать официанткой, несколько раз заглянула в ресторан.

— Была неподалеку — подумала, почему бы и нет.

— Что же, спасибо вам.

— Как навещу Каэдэ, у меня самой настроение поднимается. Работает, делает все самостоятельно, наслаждается процессом... Приятно на это смотреть.

— Вы очень помогли.

— Она сама старается. А еще ты поддерживаешь ее!

— Давайте условимся на том, что мы вдвоем причастны к улучшениям.

Обмен комплиментами всегда заставлял его ерзать.

— Как у тебя дела в университете?

— Справляюсь.

— Рада слышать.

Она вздохнула с облегчением, лицо смягчилось, но лишь на мгновение. Мивако посмотрела на него, губы беззвучно произнесли: «Ох», будто вспомнила о чем-то. Однако говорить не начинала. Капля сомнений мелькнула в ее глазах.

— Что?

Сакута не был уверен, что она хочет сказать в первую за полгода встречу. Вот и ждал.

— Ты, случайно, не сталкивался с Икуми Акаги? — спросила она серьезным тоном.

— Мм?..

Сакута моргнул. Это имя он ожидал услышать меньше всего. А точно Мивако ее упомянула? Он отказывался в это верить, настолько сильно был потрясен.

— Откуда вы о ней знаете?

— В прошлом месяце я начала помогать ее волонтерскому клубу. Не с обучением, а заботой о психическом здоровье.

— А, понятно.

Все встало на свои места. Икуми занималась с детьми, переставшими ходить в школу. Настоящий школьный консультант очень бы помог.

— Когда мы познакомились, она рассказала, в какую среднюю школу ходила.

— И так вы связали ее со мной?

— Да, — кивнула Мивако.

Она смотрела Сакуте в глаза и, казалось, переживала за него: знала ведь о том, к чему привели издевательства над Каэдэ, как одноклассники относились к Сакуте. И понимала: воссоединению ни с кем из одноклассников он рад не будет. Логичный вывод.

— Тебя что-нибудь беспокоит?

— Нет.

На самом деле да. Икуми с помощью хештега-дриминга изображала из себя героя, еще ее атаковал полтергейст «Подросткового синдрома».

Но не про это спрашивала Мивако. Она хотела узнать, как он сам, не разбередила ли встреча старые раны.

— По-вашему, Акаги человек, который будет гнобить меня?

— Нет, — категорично заявила женщина. — Я не очень с ней знакома, но она серьезный человек, порядочный.

— Соглашусь.

У Сакуты сложилось похожее впечатление об Икуми. Про то же самое говорила Саки. Скорее всего, это мнение разделяли все, кто встречал ее.

— Порядочность иногда вредна, но... она очень хорошо понимает, как поведут себя люди.

— Ага.

Поднимать знамя справедливости — значит столкнуться с теми, кто будет противиться и говорить, что ты навязываешь свои ценности. Но Сакута уверен, Икуми сможет избежать конфликта. Как отметила Мивако, она наблюдательна.

— Разве это не утомительно? — спросил он.

— Когда каждый считает, что ты серьезный и порядочный человек?

— Она знает, кто и что о ней думает.

«Очень хорошо понимает», как выразилась Мивако.

Икуми знала, как нее смотрят.

Возможно, даже пыталась подстроиться под эти взгляды.

Удовлетворение чьих-то ожиданий может лечь тяжелым бременем на человека. Например, Нодока страдала в старшей школе, когда мать постоянно сравнивала ее с Май.

Не это ли стало причиной «Подросткового синдрома» Икуми?

— Акаги серьезная от рождения, а потому окружающие начали отзываться о ней соответствующе. Или она повела себя соответствующе, когда ее называли серьезной? Сложно сказать, что было первым. Ясно одно: она оправдывала ожидания и получала от этого удовольствие.

Конечно, когда все полагаются на тебя и приходят за помощью, а ты делаешь то, что от тебя хотят, тогда, возможно, каждый твой день будет заканчиваться с чувством выполненного долга. Это чувство поможет поддерживать темп и с высоко поднятой головой принимать вызов следующего дня, поможет оставаться серьезным и порядочным человеком.

И все же от чего-то Икуми явно испытывала тяжелый психологический стресс. Тяжелый настолько, что проявился полтергейст «Подросткового синдрома».

— Если у Акаги есть проблемы, то какие, по-вашему?

— Почему спрашиваешь? — Мивако подняла бровь.

— Ее друзья говорят, что в последнее время она ведет себя не так, как обычно.

Правду он сказать не мог, поэтому, подумав об угрюмом лице Саки, прибегнул к наглому вранью.

— Первое, что приходит на ум... я бы сказала, любовные проблемы. — Ее губы изобразили улыбку.

Рио уже посмотрела под этим углом. Ему хватило.

— Еще что-нибудь? — спросил Сакута.

— Ну... — Мивако умолкла, нерешительно взглянула на него.

— Я как-то в этом замешан?

— Она, возможно, не хотела встречаться с тобой.

— ...

— Я думаю, неспособность помочь тебе стало ее самым большим провалом в жизни.

— Я к ней за помощью не обращался.

Сакута просил одноклассников поверить в «Подростковый синдром», который поразил Каэдэ, но к конкретно Икуми не подходил и ни разу напрямую не обращался к девушкам.

Тем не менее часть его посчитала слова Мивако абсолютно логичными.

Икуми будет чувствовать себя ответственной.

Ей было невыносимо смотреть на страдания людей.

И поэтому она хотела забыть его.

По всей видимости, «забыть» не буквально, то есть вырезать все связанное с ним из памяти. Это, так или иначе, физически невозможно. Человеческий разум устроен по-другому: чем сильнее жаждешь забыть что-то, тем дольше заставляешь мозг вспоминать.

Под «забыть» Икуми подразумевала преодолеть сожаления того времени, превратить их в пережиток прошлого, оставить третий год средней школы позади.

Теперь, когда у нее самой был «Подростковый синдром», она знала: все, о чем говорил Сакута, — правда. Убедилась, что поступила неправильно, но исправить этого уже не могла.

Весь класс отвернулся от Сакуты, отверг его. Он сбился со счета, сколько раз его называли сумасшедшим.

А что сейчас? Икуми узнала, что одноклассники ошибались. Но к чему это ее привело?

Она наказывала себя за ошибки прошлого? Винула настолько, что хочет забыть его?

— Ты шел на работу, Сакута? Наверное, задерживаю тебя?

Мивако проверила время.

— Все в порядке, я пришел пораньше.

— Хорошо, если так.

— Хм, Томобэ...

— Да?

— У меня есть просьба.

— Какая?

— Когда пойдете в следующий раз к тому волонтерскому клубу, можете взять меня с собой?

Размышления ни к чему не приведут, и он решил спросить прямо.

Часть 4

— До свидания, учитель Икуми!

— Будьте осторожны.

Икуми вышла в коридор и помахала детям из средней школы, двум мальчикам и девочке, именно они были на рынке на фестивале. Правая рука Икуми больше не была на перевязи. Как она и говорила, на выздоровление ушла всего неделя.

Как только учеников поблизости не стало, она тяжело вздохнула. Специально для Сакуты.

Ему не нужно было спрашивать, вздохнула ли она специально.

Выходные, после встречи с Мивако возле ресторана, суббота, двенадцатое ноября.

Сакута и Икуми находились на территории кампуса своего университета на Канадзава-Хаккей. Точнее, он прошел через главные ворота, повернул направо и пошел прямо к стеклянному зданию в конце. Построили его относительно недавно, предполагалось, что в нем будут проводить местные мероприятия. Многие называли это здание просто «Восьмой павильон».

Он слышал, его использовали волонтерские группы или внеуниверситетские клубы, однако сегодня впервые пришел поглядеть своими глазами.

— Прости, что не предупредила насчет его, — заговорила Мивако, когда Икуми вернулась. Она сказала только, что кто-то хочет понаблюдать за ее волонтерской деятельностью, но имя Сакуты не упомянула.

— Вам извиняться не за что, Томобэ.

Если она кого и винила, то, очевидно, Сакуту. Тот делал вид, что ничего не замечает. А раз так, то ее намек канул в лету.

— Вот как? Ну тогда я оставлю вас?

Она обвела их взглядом, затем повесила сумку на плечо и сказала, что ей надо бежать.

— Да. Спасибо, что пришли.

— Увидимся на следующей неделе.

Мивако ушла, махая на прощание рукой, которую подняла на уровень груди. Они слушали удаляющиеся шаги, пока те не стихли окончательно.

Сакута и Икуми теперь были наедине, оба молчали. Не говоря ни слова, она начала стирать формулы с доски. Здесь проходили основы факторизации.

Сакута подошел помочь:

— Злишься на меня?

По лицу не скажешь, но тот вздох явно был укоризненным.

— Мы заключили пари, — сказала она своим обычным тоном голоса.

— Да.

— И в чем оно заключается?

— Сможешь ли ты забыть меня до того, как я вспомню про тебя.

— Так вот, если будешь и дальше крутиться рядом, я не смогу забыть, как бы сильно ни старалась.

— Жизнь игрока трудна.

— Не знала, что ты из тех, кто одержим победой, — с нажимом произнесла Икуми. Она стерла все с доски и ни разу даже не взглянула на него. До чего неуклюжий способ выразить обиду.

— А я говорил: заведомо проигрышные пари не заключаю.

— В тот раз ты имел в виду не это.

Она подобрала черный, красный и синий стирающиеся маркеры и убрала в футляр. Затем рассеяно глянула на часы — глаза широко раскрылись, будто увиденное стало плохой новостью.

Сакута посмотрел туда же: 15:40. Он опустил взгляд, и тогда она наконец-то взглянула на него.

— Тебе куда-то нужно? — спросил Сакута.

— До чего ты глазастый.

— Жизнь героя очень напряженная.

— Может, перестанешь уже?

— Но ты все равно будешь стоять на своем?

— Да, — попыталась улыбнуться она.

— Потерянная девочка в Йокосуке? Или инцидент на перекрестке? Еще есть украденный велосипед.

— Надо же, сделал домашнюю работу...

Ее улыбка одеревенела.

— Побежишь навстречу всем трем случаям?

Сакута нашел три твита с описанием снов, время в них указано было разное, и если она отправится сейчас, то, скорее всего, успеет.

— Мне правда надо бежать, — явно обозначила она, что с вопросами покончено. Затем направилась к двери.

Несмотря на это, он окликнул ее:

— Скольких еще выручишь, прежде чем сожаления уйдут?

Икуми застыла в проходе.

— Ты что-нибудь вспомнил?.. — спросила она, не оборачиваясь.

— Просто подумал, тебя до сих пор заботит, что ты не помогла мне в средней школе.

Идею в его голову вложила Мивако. Так-то она ни на чем конкретно не основывалась, но этого хватило, чтобы Икуми повернулась.

— Я!..

Она повернулась резко, взгляд устремила прямо на Сакуту, сильные эмоции впились в него. Но ее глаза беспокойно заерзали, и она вот-вот была готова заплакать.

Он не знал, что она переживала, одно только мог сказать наверняка: настолько эмоциональной он ее никогда не видел.

Однако порыв, проглядываемый из-под маски спокойствия, секунду спустя затмила другая эмоция.

Икуми не успела даже слова сказать, как по ее спине пробежала дрожь. Она присела на корточки, прикрыла рот руками.

— Акаги?.. Неужели...

Он вспомнил случившееся на фестивале.

Полтергейст.

Сакута подбежал к ней, и тут распущенные волосы девушки собрались в хвост, перекрутились, а потом сложились в пучок. Кончик волос указывал вверх, будто она принимала ванну.

Волос никто не касался, ни Сакута, ни Икуми. И держались они собранными без хоть одной заколки.

— Снова... Ну не сейчас!..

Она убрала руку ото рта и сильно ущипнула себя за бедро — на это смотреть было больно. К кому она обращалась?

Потом Сакута увидел, как под ее блузкой что-то по-змеиному поползло. Спустилось по затылку, по плечу, по рукаву. Никого рядом не было, но одежда сминалась, и он видел по складкам прошедший путь.

Дверь и окна были открыты, но ветер не задувал. Никто из них не касался рукава. Что-то шевелилось, безо всякой причины.

Он не знал, что сказать: пришел в смятение, когда снова своими глазами увидел полтергейста.

Замер и не мог пошевелиться. Разум пленил странный феномен, развернувшийся прямо перед ним. Мало того что его потрясло, у него еще и мороз по коже пробежал. Он испытал чистейший страх перед неизвестностью. Вот настолько это явление было жутким.

И все же его рука вытянулась сама по себе.

В попытке поймать невидимую змею он крепко схватил извивающееся левое запястье.

— ?!

Но ощутил только изумление Икуми и худощавость руки.

— Извини, — сказал он, а потом, не дожидаясь ответа, закатал рукав по локоть.

Нет. Змеи не существовало.

— ?!

Но увиденное подняло новую волну вопросов и замешательства.

По непонятной причине на ее бледной коже виднелись надписи, словно записанные волшебным маркером.

«Ты в порядке?»

«Прости за растяжение».

«Будь с ним поосторожнее».

«Все идет хорошо».

Выглядело как переписка.

— Это... — Он посмотрел на Икуми в надежде получить ответ.

— Отпусти!.. — прошептала она.

Сакута все еще крепко держал ее за запястье.

Он отпустил.

Затем надписи на руке начали расплываться, будто их оттирали в душе. Буква за буквой исчезали, от локтя до запястья.

Икуми опустила рукав, пряча красные следы в том месте, за которое схватил Сакута.

— Тоже полтергейст?

Это однозначно не были напоминания, как те, что пишут на руках дети, когда нужно запомнить что-то для завтрашних уроков.

— С тобой одни беды, Азусагава.

— Значит, причина таки во мне.

Прошлый инцидент с полтергейстом также случился при Сакуте. Потому что он вызывал волнения в ее сердце. Потому что чрезмерно давил. Неизвестное нашлось.

— Я уже говорила, как это исправить. Я знаю.

Икуми, очевидно, отталкивала его.

— Хочешь сказать, ты знаешь, что представляет собой полтергейст?

— ...

Она не ответила, но молчание было ответом.

— Вот откуда эта уверенность, что ты будешь в порядке.

Дикость такого рода должна обычно сносить крышу.

Икуми оставалась спокойной, потому что знала, чем является полтергейст, знала, что вредить тот не станет. А использование слов говорило о том, что это был человек.

Оставался один вопрос.

— Кто это?

Икуми не ответила.

Ему показалось, что истина все ближе.

— Если скажу, пари конец.

Пускай она так говорила, Сакута считал, что ни на миллиметр не продвинулся.

Он понятия не имел, кем она является на самом деле, что у нее на уме, что чувствует. Икуми Акаги оставалась загадкой.

Возведенные ею непроницаемые стены не давали Сакуте подойти ближе.

Он просто кружил вокруг них и смотрел на замок, в котором она жила. И жила ли вообще? Даже в этом он сомневался.

Так или иначе, ему снова пришлось отступить и остаться ни с чем. Казалось, без подкрепления в принципе ничего не выйдет.

Перспективы не было.

Может, потому Икуми и заключила это пари.

Но только он подумал об этом...

— Икуми.

...как кто-то позвал ее по имени.

Сакута поднял взгляд и увидел в коридоре молодого человека. Незнакомец выглядел на двадцать с небольшим лет. На нем был костюм — скорее всего, уже работал. Ростом примерно в Сакуту, носил очки, казался прилежным.

— Я же сказала, хватит с нас.

Икуми встала. Полтергейст больше не давал о себе знать.

— Прости. Я просто... хочу поговорить.

— Боюсь, мне некогда, дел полно.

Она подобрала сумку с пола и скользнула мимо молодого человека, даже не встретившись с ним взглядом.

Он хотел остановить ее, но, может, подумал, что не стоит.

Шаги Икуми вскоре затихли на лестнице.

Между ними явно была какая-то история.

Если мужчина знал Икуми, разговор с ним мог помочь что-нибудь прояснить. Только с чего начать?

Пока Сакута колебался, молодой человек повернулся к нему.

— Ты ведь... Азусагава?

Он не ожидал, что незнакомец — к тому же не студент этого университета — знал его имя.

Но за возможность был благодарен.

— А вы?..

— Я встречался с ней, — признался мужчина, посмотрев в направлении, куда ушла Икуми.

— Выходит...

— Ее бывший.

Неловкость он попытался прикрыть улыбкой.

Спустя пять минут Сакута сидел на скамейке снаружи.

Аллея гинкго.

На поле на противоположной стороне тренировалась футбольная команда.

Тренер крикнул:

— Отрабатываем маневры!

Несмотря на субботу, по кампусу и аллее бродили немногочисленные студенты. Вот мимо прошли двое парней, вроде старшие с естественнонаучного факультета.

— С дипломной работой ничего не получается!

— Как я тебя понимаю.

— Ох, диплом. Какой это был кошмар, — раздался голос рядом с Сакутой.

На скамейке сидел еще один человек, чуть поодаль.

Он назвался бывшим Икуми.

Сказал, что ждет кого-то, поэтому последовал за Сакутой.

Его звали Сэйичи Такасака. Представился по пути.

На визитке указывалось название компании, столь же для Сакуты неизвестной, что и название отдела, в котором мужчина работал.

Сакута скосил взгляд вбок и увидел незажженную сигарету во рту Сэйичи.

— Я покурю, не против? — спросил мужчина, заметив взгляд. Он уже успел засунуть руку в карман, чтобы достать зажигалку.

— А я могу попросить воздержаться?

— Мм?

— Здесь зона для некурящих.

В старшей школе это было немыслимо, в отличие от университета. Кампус разделили на зоны, где курить запрещалось, а где разрешалось. Места для курения располагались возле клубного,

позади научного и рядом с исследовательским корпусами.

Большинству студентам за время учебы в высшем учебном заведении исполняется двадцать, а значит они могли легально курить. Некоторые в самом деле на перерывах выбегали ради этого.

— Ой, правда?

Морщась, Сэйичи убрал сигарету в коробочку. Он вообще часто морщился, просто по-разному. Наверное, ему некомфортно от того, что попытку поговорить с Икуми кто-то увидел.

— Я обычно не курю. Только когда нервишки шалют или отвлечься надо...

Оправдываясь, он положил желтую коробочку обратно в карман костюма. От него не пахло дымом, так что, скорее всего, он не врал.

— А когда затягиваюсь, начинаю кашлять. И все такие говорят: «Брось ты это дело!»

Сэйичи продолжал говорить, хотя Сакута ни о чем не спрашивал. Да мужчина и не пытался объясниться, и непохоже, чтобы его так уж заботило, слушал Сакута или нет. Причина та же, что и для сигарет: просто тик, чтобы скрыть неловкость.

— Когда вы с Акаги познакомились?

— На первом году старшей, когда она пошла в волонтеры. Признался на ее втором году.

— От нее узнали про меня?

— Только повод уже позабыл. Она как-то раз показала мне свой выпускной альбом со средней школы. В угадайку, наверное, играли: выясняли, смогу ли я угадать, с кем она дружила, кто был ее первой любовью.

— И вам не повезло указать на меня?

— Ага. Она моментально перестала улыбаться.

— То есть фактически рассказала, что что-то между нами было.

Но Сакута считал, что они едва общались. Речи не шло ни про любовь, ни про серьезные ссоры, ни про горькие воспоминания юности.

Над Каэдэ издевались, у нее развился «Подростковый синдром», Сакуте никто в классе не поверил, и он стал изгоем.

— Она немного рассказала, что случилось на третьем году. Похоже, до сих пор выкинуть из головы не может, вот мне и запомнилось. Возможно, дело в ревности. — Сэйичи вместе с тем посмотрел на Сакуту, а тот взглянул на него в ответ. — Никогда бы не подумал, что столкнусь с тобой.

— Я как-то тоже не ожидал встречи с бывшим Акаги.

Котоми говорила про некоего парня, но история была крайне сомнительная — Сакута почти сразу посчитал ее вымыслом. А теперь, когда выяснилось, что это правда, он оказался по-настоящему потрясен.

— Что у вас за отношения, Азусагава? Э, вы встречаетесь?

— Ничего подобного.

— О...

Сэйичи упер взгляд в землю. Казалось, вздохнул с облегчением, но с каким-то несчастным видом. Как он воспринял ответ? Сакута не был уверен.

Но одно стало ясно: он все еще любил ее.

— Почему вы расстались?

— Если в двух словах, по моей вине.

— А не в двух? Тоже по вашей?

— Если не в двух, то я каким был бараном, таким и остался, — хмыкнул он. Отчасти посмеялся над собой. — В день выпуска из старшей она сказала, что между нами все кончено. Ни с того, ни с сего, и по этой штуке.

Сэйичи достал телефон из кармана.

— И вы ничего не сделали?

— Подумал, у меня нет права.

— Почему?

— В прошлом году я учился на четвертом курсе и был очень занят устройством на работу. На нее времени не хватало.

— Искать работу — это прям настолько сложно?

За первый семестр он не раз видел старшекурсников в костюмах на территории кампуса. После фестиваля — уже ни одного.

— Сложно для меня. У нас рынок продавца — умные получают заманчивые предложения от крупных компаний и палец о палец не ударяют.

Он словно про конкретного друга говорил. Его лицо стало кислым.

— Я прошел пятьдесят собеседований — и все провалил. На пятьдесят первом мне уже было нечего сказать. Сам посуди, пятьдесят первая компания в списке будет работой твоей мечты?

— Да уж.

— У тебя спрашивают, почему хотите к нам. А причины-то нет. Я начинал с крупных компаний, которые у всех на слуху, потом, когда ничего не получалось, пошел на компромиссы, а когда и компромиссы не помогли, шел дальше по списку. После пятидесяти повторений я перестал быть разборчивым. «Просто дайте мне гребаную работу», — думал я. А интервьюеры знали про мое положение, знали, что в ноябре-декабре я все еще на скамейке запасных.

Сакута понятия не имел, что сказать, так как пока не проходил через сезон трудоустройства, поэтому ждал, пока Сэйичи продолжит.

— До поисков работы во мне была кое-какая уверенность в себе. После поступления в университет я занялся волонтерской деятельностью, думал, что знаю мир лучше большинства студентов. Но, выслушав в пятидесятый раз «вы не прошли», я уже даже перестал понимать, как подавать себя. Между тем всем моим знакомым делали заманчивые предложения о работе, и вот тогда-то я запаниковал...

Голос Сэйичи становился все мрачнее и мрачнее. Начинал так, будто рассказывал смешной эпизод из прошлого, а теперь...

— В это же время вы с Акаги?... — произнес Сакута, возвращаясь к теме.

— Она всегда была рядом, приходила ко мне, готовила, гладила рубашки, в которых я ходил на собеседования, будила, когда нужно было уйти пораньше, всегда до того, как прозвенел бы

будильник, делала перекус для меня.

Эта часть, откровенно говоря, стала неожиданностью. Он до сих пор не был уверен, что абсолютно вся история, рассказанная Котоми, — правда.

— И никогда не желала удачи прямо перед собеседованием.

Должно быть, не хотела давить еще сильнее — очень похоже на Икуми.

— Когда я приходил домой, она говорила: «С возвращением», а не «Как все прошло?» И даже косо не смотрела. Хотя наверняка сама мучилась со вступительными экзаменами.

Сакута легко представил себе такую Икуми. Поддерживает своего парня, но от учебы не отлынивает. Ясные моральные принципы относились к ней самой, и срезать углы ей не позволялось. Она, вероятно, даже не думала о том, чтобы передохнуть.

— Я все еще не понимаю, как так получилось, что вы расстались.

Пока он слушал только хвастовство бывшей.

— Из-за стресса я начал срывать на ней.

— ...

— Помню канун Рождества. Вижу, занимается в своей комнате, и показалось, что это такой бессловесный способ покритиковать меня. Сказал не приходить какое-то время. Само вырвалось.

— Нехорошо получилось.

— Нехорошо, согласен на все сто.

Но всем иногда кровь в голову ударяет. Если сорвался в первый раз, второй будет значить все. Второй промах может стать концом.

— Мне стоило сразу извиниться. Но я был слишком незрелым. Верил, что ни в коем случае не должен показаться слабым, но именно таким я и был: слабым.

— Ага, — кивнул Сакута.

Сэйичи хрипло усмехнулся, тем самым признавал, что подобная прямота лучше попыток подбодрить.

— Но работу вы получили, — сказал Сакута и посмотрел на визитку. Она подтверждала трудоустройство.

— Наконец-то, после Нового года.

— Сказали Акаги?

— Подумал, подожду, пока сдаст экзамены. Ну а кончилось все...

— Пока вы ждали, она рассталась с вами?

Государственные университеты обычно объявляли результаты экзаменов в середине марта. Выпускная церемония в старшей школе проводилась раньше. Так было у Сакуты.

— Да, — кивнул Сэйичи и поморщился. Горький взгляд на свои прошлые ошибки.

— Почему пришли к ней сейчас?

В принципе, могло быть и так, что понадобилось время, чтобы во всем разобраться, но, если была другая причина, Сакута хотел знать. Может, это даст ему подсказку насчет забытого прошлого с Икуми.

— Увидел ее твит.

— ...

— Говорю как сталкер, да?

— Есть такое.

— Так оно выглядит со стороны. Я поэтому не хочу об этом говорить... Тем не менее в твите описывался сон: она кому-то вредит, и за это ее арестовывают.

— Акаги? «Арестовывают»?

Вред людям и проблемы с полицией — ничего из этого не было похоже на Икуми. Вот Сакута и переспросил.

— Слышал про хештег-дриминг?

— Вы в это верите?

— Сказочка не для взрослых, хочешь сказать? Но выкинуть из головы у меня не получается.

Сакута понимал его. А вдруг сон сбудется? Он уже сталкивался с подобием вещих снов, поэтому не мог отмахнуться.

— Знаете дату?

— Подожди.

Сэйичи начал искать в телефоне тот пост.

— Двадцать седьмое ноября.

Знакомая дата.

Икуми передала ему приглашение на встречу выпускников, которая состоится в этот день.

Встреча выпускников средней школы.

Из того класса...

Совпадение? Или...

— Я распереживался, как увидел. Понял, что не должен был оставлять ее. — Его сохранившиеся чувства слышались в тоне голоса. — Поддерживая других, она поддерживает и себя.

Он говорил в основном сам с собой, но его слова затесались в голову Сакуты и не уходили.

— Наверное, так и есть, — согласился Сакута, когда это стало очевидным.

Помогая людям, она помогала себе — идеальное совпадение с его мнением об Икуми.

Вот почему ее геройство всегда казалось таким опасным.

Потому что она не могла остановиться.

Если перестанет помогать, рухнет сама.

— Такасака...

— Мм?

— Вы по-прежнему беспокоитесь за Акаги?

— Я знаю, что должен наконец отпустить ее... — Сэйичи встал, проверил время на телефоне — может, ему уже пора идти на работу. — Слушай, надеюсь, я не слишком о многом прошу, но обменяемся номерами? Если с ней что-нибудь случится, дай знать. А если буду доставать, просто заблокируй меня, и все.

Его пальцы забегали по экрану — скорее всего, отрывал чат-приложение.

— Извините, у меня нет телефона.

— Э?

Этому всегда удивлялись.

— Я не пытаюсь найти предлог, чтобы отказать. Просто в средней школе меня все достало, и с тех пор ни разу не обзавелся новым.

Причины не иметь телефона уже давно нет, но Сакута спокойно обходился без него, поэтому не покупал.

— А.

Сэйичи на мгновение растерялся, но потом сдался и убрал телефон в карман.

— Тогда если звезды сойдутся.

— Ага.

Оба, вероятно, предположили, что больше никогда не встретятся. Сэйичи пошел к главным воротам. Он не остановился, не оглянулся. А зачем? Смысла-то нет.

Сакута не смотрел вслед. Но на то у него была веская причина: почувствовал, что кто-то сидит рядом. Он переключил туда внимание.

Этот кто-то не был просто знакомым. Это был кто-то в красном.

На месте, которое освободил Сэйичи, сидела девушка-Санта в мини-юбке. Она положила ногу на ногу, локоть уперла в бедро, подбородок лежал на ладони. Она смотрела на Сакуту из-под длинных ресниц.

— Что ты делаешь в субботу на территории кампуса?

— Поражаюсь внезапному появлению Санты в мини-юбке.

— Фу.

Токо закатила глаза. И зря: он удивился искренне. Однако эта встреча была как раз кстати: у него возникло много вопросов к Токо Киришине.

— Что ты сделала с Акаги?

— Просто дала подарок. Все хотят подарки.

— Санта-Клаус и полтергейстов раздает?

— Едва ли, — посмеялась Токо. — Это не ее «Подростковый синдром».

Сакута и сам начал догадываться. По надписям на руке Икуми угадывалась чья-то личность, чья-то воля, что нетипично для призраков. Там прослеживались явные попытки общения.

— Тогда что?

— Санте нельзя раскрывать чужие секреты.

Токо пристально смотрела на него, вызывая улыбку.

— Хештег-дриминг тоже твоих рук дело?

Если она не рассказывает про Икуми, Сакута попробует подойти с другой стороны.

— Всех волнует их будущее.

— И ты показываешь им сны о будущем?

— Не вынуждай повторяться. Я не показываю. Они смотрят по своей воле.

Расспросы никуда его не привели. Он наконец-то снова с ней встретился, но узнал ровным счетом ничего.

— Вопросов больше нет? — Токо зевнула.

У нее возник телефон, копошилась в нем одной рукой. Санта-Клаус — мастак пользоваться смартфоном.

— Есть один.

— Какой?

Взгляд не подняла.

— Дай свой номер телефона.

— ...

Ее палец завис над экраном. Затем она искоса посмотрела на него.

— А, мне сперва свой дать?

— Не надо, спасибо, — наотрез отказала Токо, после чего переключила внимание на телефон.

Неудачная попытка — ее поведение явно это обозначило.

— Напомни, на каком ты факультете? — вдруг спросила она.

— Статистики.

— Что-то с математикой связано?

Даже не посмотрела на него.

— Можно и так сказать.

— Раз такой умник, значит, запомнил число пи?

— Знаю только 3.1415926535.

— Достаточно.

Сакута не очень понимал, что убедило ее, но Токо резко показала ему экран и сказала:

— Три, два...

Очень короткий обратный отсчет.

На экране был одиннадцатизначный номер. Начинался с 090.

— Один, ноль! Время вышло!

Она убрала экран от его лица.

— Давай еще разок.

— Это был твой единственный шанс! Плюс нас прерывают.

Токо обернулась на шаги, раздавшиеся позади.

— Привет, — сказала подошедшая Май.

— Как прошло коррекционное занятие, Май?

— Никакое оно не коррекционное! Преподаватель провел лекцию, которую ранее отменил. — Она подошла и щипнула Сакуту за щеку. — В тот день у меня были съемки, так что ничего не потеряла.

Май отпустила его и поглядела на место рядом.

— Ты с кем-то говорил?

— Сама же видишь. Токо Киришима...

И тут он осознал, что указывает на пустое место.

Осмотрел окрестности на триста шестьдесят градусов, а девушку-Санту в мини-юбке не обнаружил. Как сквозь землю провалилась.

— Она была здесь? — спросила Май, осматриваясь.

— Да, была.

— Ясно...

Казалось, шаловливый дух постарался. У Сакуты еще остались вопросы к ней... Впрочем, он не расстроился. Смог запомнить все одиннадцать цифр.

— Что с Акаги?

— Много всего случилось. В том числе встреча с ее бывшим.

— Ее кем?

— Долгая история.

Он поднялся.

— Тогда расскажешь по пути домой.

— А, точно.

— Мм?

— Я подумал зайти к родителям.

Сакута избавился от всего, что было связано со средней школой, включая выпускной альбом. Он ничего не найдет в том доме. Тем более в то время они жили в другом месте.

Но район был небольшим. Родители могли помнить что-нибудь про Икуми.

У мам и пап есть своя социальная сеть.

Кроме того, трудно проигнорировать то описание сна с арестом.

— Что же, тогда на станции «Йокогама» возьмем пудинг в стакане.

— Хм? Ты со мной, Май?

— Я не была там с прошлого лета. Пойдем.

Не расспросив его о причинах, она пошла вперед.

Выбора у Сакуты не оставалось, кроме как пойти следом.

Часть 5

Придя к родителям, Сакута позвонил в домофон. Примерно через пять секунд ответил его отец.

— Это я, — сказал Сакута, показав лицо в небольшую линзу рядом.

— А. Сейчас выйду.

Звонок прервался, и он услышал приближающиеся шаги. Раздался щелчок замка, и дверь открылась.

Показался отец, с сандалией на одной ноге. Даже в субботу на нем были брюки и рубашка с воротником.

— Чего пришел?

— А что, сын не может прийти домой просто так, без причины?

Сакута все-таки был ребенком в этой семье.

— Можешь, просто...

— Здравствуйте, — прервала отца Май, выступив вперед. — Давно не виделись.

— О, да, здравствуй, Май. И ты решила заскочить?

Отец искренне удивился, так как она не показывалась перед домофоном.

— Сакута, предупреждать надо... — начал он, но одернул себя, когда поймал взгляд Май. Никаких ссор перед девушкой сына. — Заходите.

Он распахнул дверь и пригласил их внутрь.

— Дорогая, это Сакута и Май!

Квартира была типовой двухкомнатной.

— Правда? Как я рада вас видеть! — Мать Сакуты сидела за обеденным столом прямо у входа.

— Простите, что без предупреждения. — Май склонила голову.

— Брось, все нормально. С возвращением, Сакута.

— Спасибо. Мы принесли гостинцы. — Он положил на стол пудинг, купленный на цокольном этаже универмага возле станции «Йокогама».

— Спасибо. Позже обязательно попробуем.

Она улыбнулась отцу и убрала пудинг в холодильник. Глава семьи тем временем отвел их в гостиную.

Они сели на диван, и тогда мать Сакуты спросила:

— Вы останетесь на ужин? Я приготовлю еще одно или пару блюд, включу рисоварку.

— Не...

Но не успел Сакута ответить, что они не собираются задерживаться, как Май встала.

— Давайте я помогу, — сказала она и присоединилась к матери на кухне.

— Ой, а не в тягость будет?

Она, казалось, сомневалась, должна ли принимать помощь от известной актрисы.

— Хочу научиться секрету маминой готовки, — настояла Май.

— Ох, да вы как молодожены!

Довольная мать выдала Май фартук. Они занялись чисткой картошки, попутно обсуждая Сакуту. Было странно смотреть, как Май при его родителях начинала вести себя так обходительно.

Но Сакута радовался, что между ними складывались хорошие отношения.

Он представил свою девушку матери в марте прошлого года. Хотел рассказать, что сдал экзамены и поступил в университет, и взял с собой Май.

Матери стало лучше, когда жизнь у Каэдэ начала налаживаться, вот он и подумал, что можно зайти дальше.

Впрочем, это все равно стало сюрпризом. Май Сакурадзима — общеизвестное имя. А мать знала ее еще по детским ролям. Очень трудно вести себя нормально, когда на пороге появляется Май, которую представляют как девушку сына.

Катастрофы удалось избежать, скорее всего, потому, что отец Сакуты рассказал ей о Май.

Но несколько добрых минут она мечтательно поговаривала: «Это правда! В самом деле. Ты такая... такая красивая».

С тех пор они иногда заглядывали к родителям Сакуты.

— После университета к нам зашли? — спросил отец, убавив громкость новостей. Он очень старался оказать гостеприимство.

— Считаю, да.

По телевизору показывали репортаж про раннюю Рождественскую иллюминацию.

— Кстати, помните семью Акаги? — спросил Сакута.

Май молниеносно перевела на него взгляд. Наверное, задалась вопросом, стоило ли поднимать эту тему при матери.

Она считала себя плохой матерью, так как не смогла найти способ помочь Каэдэ, подвергнувшейся издевательствам, и у нее случился нервный срыв. Горе было настолько сильным, что она не могла нормально жить.

Но сейчас все иначе. Каэдэ, Сакута, их мать и отец прошли через трудный период и снова могут проводить время вместе как семья.

Мать видела, как ее дочь наслаждается каждым днем, и это придавало ей моральные силы.

Она знала, что Сакуте было весело со своей девушкой, и это придавало ей уверенности.

Сама в этом радостно призналась.

Поэтому Сакута не сомневался: она справится.

И не прогадал.

— Акаги? Да, помню. У них же дочь?

— Ага.

— Если не ошибаюсь, ее мама адвокат.

Это стало новостью для Сакуты. Быть может, серьезность и порядочность Икуми достались ей от матери, работающей в юридической сфере.

— А также входила в родительский комитет, — добавил отец.

— Точно! Это же еще постараться надо, чтобы заниматься школьными делами наряду с работой.

Ее мать словно бы никогда не отдыхала. В старших классах сама Икуми была президентом ученического совета и волонтером, в университет поступила на факультет медсестер и теперь играла в героя.

— А из-за чего спрашиваешь? — спросила мать, не отрываясь от готовки.

— Акаги поступила в наш университет, правда на другой факультет. Совсем недавно столкнулся с ней. Я ничего не помню о ней, просто стало интересно, какой она была.

— У меня как раз есть одна вещь, которая может помочь.

— В смысле?

Отец встал, открыл раздвижную дверь и исчез в спальне, затем вышел с альбомом в бумажной обертке и протянул его сыну. Сакута взял, альбом был увесистым.

— Неужели...

Спрашивать было необязательно.

Он сразу понял, что это.

Выпускной альбом.

— Нашел в зимних вещах.

Сакута снял обертку.

На обложке виднелось название средней школы.

Не сказать, чтобы это было путешествие в прошлое.

Он ни разу не заглядывал в выпускной альбом.

Не помнил даже, открывал его или нет. Вероятно, ни разу не доставал его из обертки.

Новенький, отправленный в мусорное ведро.

Но каким-то образом вернувшийся к нему.

— Грузчики заметили и спросили, точно ли мы хотим выбросить его.

— ...

— Я подумал, ты не захочешь его видеть, но в будущем можешь передумать.

— Могу... — сказал Сакута и открыл первую страницу.

Заброшенный на года, альбом одеревенел, страницы прилипли друг к другу — слышался хруст бумаги, когда их листали.

Сакута задержался на странице класса 3-1.

Его кислое лицо шло перед остальным классом.

Азусагава — «А», первый ряд знаков.

У девочек первой шла Икуми, она выглядела собранной.

Акаги — «А», тоже первый ряд.

[П/П: В японском языке есть свой «алфавитный порядок». Пять горизонтальных рядов по пяти гласным слогам: А, И, У, Э, О.]

Он припомнил кое-что: в начале третьего года обучения Сакута и Икуми сидели рядом друг с другом, за первыми партами в своих рядах.

Он перевернул страницу — в ноздри ударил запах чернил и бумаги. Словно предался воспоминаниям, пусть и нежелательными. Тело отреагировало инстинктивно, будто так предписывали гены.

После секции с классами он нашел коллаж из фотографий со школьных мероприятий. На церемонии поступления все учащиеся выглядели очень юными, на спортивном фестивале — перевозбужденными, на культурном фестивале красовались костюмами. Еще были фотографии со спортивных лиг и экскурсий.

Радостные лица. Словно все три года, проведенные вместе, были сногшибательны.

Ни единого намека на серые страдания, через которые он прошел. Одни лишь яркие краски. Этот альбом врал.

Он листал дальше, на смену картинкам пришел черный текст на белом фоне.

По два эссе на страницу, одно от мальчика, второе от девочки. На первой же странице в секции класса 3-1 были имена Сакуты Азусагавы и Икуми Акаги.

Воплотить свои идеалы

Икуми Акаги, класс 3-1.

В эссе для выпускного альбома начальной школы я написала, что хочу стать взрослой, которая будет помогать людям. Тогда взрослыми мне казались ученики средних классов, а теперь же, выпускаясь из средней школы, я понимаю, что еще очень далека от своей цели.

На первом году обучения я была старостой класса и внесла свою лепту в подготовку и проведение спортивного и культурного фестивалей. Мероприятия выдались насыщенными, особенно последнее: я задержалась допоздна, а учителя наградили едой. Сейчас с теплотой вспоминаю об этом.

Мой второй год посвящен ученическому совету. Меня назначили секретарем, и любая выданная задача была новым опытом. Я взаимодействовала со всеми клубами и членами советов. У меня появилась куча друзей вне класса и параллели. Не могу выразить благодарность за все время, что мы провели вместе.

На третьем году у меня ничего не получилось.

Надеюсь, в старших классах я все-таки стану взрослым человеком, который будет помогать людям.

Шаблонное эссе.

Выражение своего серьезного и добросовестного характера.

И именно поэтому одно предложение, описывающее третий год, показывало, как сильно она сожалела.

Возможно, она хотела написать больше.

Может, даже написала.

Сократить до одного предложения мог классный руководитель.

Но его зацепило оставшееся предложение.

Сакута не считал, что слишком все усложнял.

«У меня ничего не получилось».

Возьми любого, кто учился в том классе, и он поймет, о чем она говорила и о каком периоде.

Сакута оказался прав: она сожалела.

Сожалела, что не помогла ему.

И до сих пор сожалела — это подтверждало то, что она помнила свое эссе в выпускном альбоме.

Быть может, этой одной фразой она как бы порицала себя.

Большинство довольно скоро забудут, что они там писали. Сакута вот забыл.

«Хочу достичь места доброты».

Он не вспомнил, даже когда Икуми произнесла эту фразу на культурном фестивале в университете. Он что, правда так написал? Сакута сомневался.

Его эссе было на этой же странице, в верхней части.

Может, что-нибудь вспомнится. С этой мыслью он попытался разобрать свой ужасный почерк времен средней школы.

Содержание эссе было таким же невнятным. Очевидно, ему сказали записать хоть что-нибудь, вот он и вымучил из себя слова.

Несмотря на бессмысленность писанины, добраться до конца стоило того.

Сколько бы раз он ни перечитывал текст, той фразы в ней не было. Он не написал этого. Не написал: «Хочу достичь места доброты».

Его пробрала дрожь. Закружилась голова.

Сакута не писал этих слов.

Но они кое-что напомнили ему.

Заветную мысль он слышал от своей первой любви.

Как об этом узнала Икуми?

Разум переставал метаться, приходя к ответу.

— Если она...

А ответ вызвал у него холодок страха.

Скорее всего, так и есть.

Он был уверен.

Тем не менее утешение это ему не принесло. Совсем напротив: Сакута наконец-то пришел к ответу, но растерянность никуда не делась. Чего же добивалась Икуми?

Продолжение следует...

Над переводом работала команда RanobeList.

Не забудьте вступить в нашу группу ВК: <https://vk.com/ranobelist>

<http://tl.rulate.ru/book/20190/3869719>